

УДК 001+167/168

Л.А. АЛЕКСЕЕВА (к. филос. н., проф.)

Донецкий национальный технический университет

ealekseev@gmail.com**ФЕНОМЕН ТЕХНИКИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н.А. БЕРДЯЕВА**

Статья посвящена представлению феномена техники в русской философии в лице Н.А. Бердяева. Особенности взгляда на технику, взятой в широком значении не только как машина, но и умение, выражаются в акцентировании в творчестве Бердяева персоналистически-антропологического ее аспекта как выражающего судьбоносный вызов человеку эпохи модерна. Основная опасность здесь коренится, по мнению Бердяева, в тенденциях дехристианизации и дегуманизации индивида. Вместе с тем, эта разрушительная направленность научно-технического прогресса не носит фатальный характер и может быть преодолена осмысленной и морально ориентированной активностью человека.

Ключевые слова: философия техники Н.А. Бердяева, дехристианизация, дегуманизация, творческая активность человека.

Николай Александрович Бердяев, русский религиозный философ, писатель, публицист, один из наиболее ярких и влиятельных мыслителей XX столетия, получивших европейскую и мировую известность, родился 6 (18) марта 1874 года в дворянско-аристократической семье в Киеве. Впоследствии знаменитый философ напишет: «По своему происхождению я принадлежу к миру аристократическому. Это, вероятно, не случайно наложило печать на мою духовную формацию. Мои родители принадлежали к «светскому» обществу, а не просто к дворянскому обществу. В доме у нас говорили главным образом по-французски. Родители мои имели большие аристократические связи, частью родственные, частью по службе моего отца в кавалергардском полку [1, с. 42-43].

Со стороны отца все предки Николая Бердяева были военные – генералы и георгиевские кавалеры. Дед Николая Александровича, М.Н. Бердяев, был атаманом Войска Донского. Прадед, генерал-аншеф Н.М. Бердяев, был новороссийским генерал-губернатором. Отец был кавалергардским офицером. Рано вышел в отставку, поселился в своем имении Обухове на берегу Днепра, но в Турецкую войну опять поступил на военную службу. Наряду с этим он известен как предводитель дворянства, в течение 25 лет был председателем Земельного банка Юго-Западного края. Николай Александрович высоко оценивал деловые и нравственные качества своего отца, когда писал, что у него не было никакой склонности делать карьеру. Отец даже отказался от чина, который ему полагался за то, «что более 25 лет он был почетным мировым судьей» [там же, с. 43].

Мать Николая Александровича, урожденная княжна Кудашева, была полуфранцуженка, получила французское воспитание, в ранней юности жила в Париже. Позже в автобиографии Бердяев напишет: «В сущности, мать всегда была больше француженка, чем русская» [там же].

Письма писала исключительно по-французски и так и не научилась писать грамотно по-русски. Будучи православной по рождению, она чувствовала себя более католичкой и всегда молилась по французскому молитвеннику своей матери [там же, с. 43-44].

Изучая женскую ветвь своей родословной по отцовской линии, Бердяев записал: «Интересно, что у меня была бабушка монахиня и прабабушка монахиня» [там же, с.44]. Он также обратил внимание на то, что мать его отца была в тайном постриге еще при жизни его деда. Она была близка к Киево-Печерской Лавре. Бабушка жила в старинной части Киева, которая мало подвергалась модернизации и называлась Печерск. В то время Печерск был не только монашеской обителью, но и военной крепостью, его атмосферу в зрелые го-

ды Бердяев охарактеризовал так: «Это смесь монашества и воинства» [там же]. Все детство и отрочество Бердяева было связано с другой частью Киева, которая называлась Липки. Это уже, по словам Бердяева, был мир несколько иной, чем Печерск, «мир дворянский и чиновничий, более тронутый современной цивилизацией...» [там же, с. 45]. Все эти ранние впечатления глубоко запали в детскую душу будущего философа и с большой любовью были воспроизведены в опыте его философской автобиографии.

Как видно, Бердяев хорошо знал свою родословную, очень любил своих родителей, заботился о них и, как признавался, саму мысль об их смерти переживал мучительно. Но при этом Бердяев не абсолютизировал свойство своей родовитости. Для него главными были не черты родового сходства, а достоинство человеческой личности, ее человечность. Я люблю лишь лица «не общее выражение». Он признавался: «... мне очень свойственна человечность» [там же, с. 42]. Николай Александрович Бердяев не кичился своим аристократическим происхождением и, как писал сам, испытывал острую нелюбовь к безличному родовому и семейному началу как таковому, противопоставляя ему начало личное. «Для Бердяева личность – абсолютная ценность, всеобъемлющее духовное единство, воплощенное в человеке. Загадка личности, неповторимости, интимности настроения, сокровенной глубины каждого человека не выводимая ни из природы, ни из происхождения, ни из воспитания – для Бердяева есть величайшая божественная тайна» [2, с. 10].

И все-таки, как отмечал один из авторов, хотя сам Бердяев давно отошел от родовых традиций, многие черты его личности можно объяснить, вспоминая «о рыцарской крови и дворянской чести» [3, с. 573].

Вернемся к вопросу о формировании личности самого Николая Александровича. Согласно семейной традиции Николай Бердяев первоначально воспитывался в Кадетском, а затем и в Пажемском корпусе. Как затем отмечал он в автобиографии: «Я с детства был зачислен в пажи за заслуги предков» [1, с. 43]. Но, вопреки воле родителей, будущий философ отказался от открывающейся перед ним блестящей военной карьеры. Свое решение он объяснял так: «Я не любил корпуса, не любил военщины, все мне было не мило» [там же, с.52]. И далее: «Во мне необычно рано пробудился интерес к философским проблемам, и я сознал свое философское призвание еще мальчиком» [там же, с.52].

В 1894 году Николай Бердяев поступил на естественный, а затем и юридический факультет университета св. Владимира, где под руководством философа и психолога Г.И. Челпанова стал систематически заниматься философией. В это же время он увлекся марксизмом, занялся его пропагандой. За участие в социалистическом движении (Н.О. Лосский) Бердяев был исключен из университета, осужден, и в 1898 г сослан на три года в Вологду, «благодаря чему, - как писал В.В. Зеньковский, - его университетское образование оборвалось навсегда» [4, с. 60]. Но это, как подчеркивал тот же автор, не помешало Бердяеву стать на редкость образованным человеком. Николай Александрович, если можно так выразиться, сам себя образовал. Его отличало редчайшее литературное и философское дарование, что во многом определило богатство и разносторонность его творческих интересов, философских исследований. Широкий ум, огромная эрудиция Бердяева дополнялись его ярко выраженной публицистической одаренностью, что также удачно подмечено Зеньковским: «Особой чертой творчества Бердяева, - отмечает он, - является то, что в нем чрезвычайно сильна стихия публицистики» [там же, с. 62]. Он же указывает, что публицистика у Бердяева имеет характер философский, так как всегда связана с большими проблемами жизни [там же]. Далее Зеньковский отмечает, что элементы публицистики очень тесно сплетаются у Бердяева с проповедью, с устремлением к будущему, с тем, что сам Бердяев в себе называл «профетическим». Но это, по мнению Зеньковского, не пророчество в точном смысле слова. В проповеди Бердяева всегда есть элемент поучительства, элемент «дидактический». «Бердяев всегда учит, наставляет, обличает и зовет, всегда в нем выступает моралист» [там же]. Все поучения Бердяева имеют философский характер, так как его философия ориентирует на тесную связь с жизнью, на жизнепонимание, на уяснение смысла жизненных вопросов. Философия не должна скитаться вдали от жизни, «философ должен осмысливать

жизнь в ее глубине и сердцевине» (М.М. Рубинштейн). Именно это и должно выражаться в идее учительства, что и нашло свое развитие в духовном творчестве философа, моралиста и публициста Н.А. Бердяева [5, с. 61-72].

В вологодской ссылке Н.А. Бердяев активно занимался самообразованием, приобрел опыт общения со многими незаурядными людьми. Среди них - философ А.А. Богданов (Малиновский), будущий государственный деятель и литератор А.В. Луначарский, Б.В. Савинков, один из лидеров партии эсеров, литератор и др.

В Вологде Бердяев подготовил немало рефератов, которые активно обсуждались в среде ссыльных интеллигентов, благодаря этому он стал особенно популярным. Здесь в ссылке Бердяев под влиянием П. Струве написал свою первую (еще марксистскую) книгу «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», в которой критиковал народническую философию Н.К. Михайловского.

После возвращения из ссылки молодой философ был уже хорошо известен в Москве и Петербурге. Он участвует в знаменитых сборниках «Проблемы идеализма», «Вехи» и др. Одна за другой стали появляться его книги и статьи. В их числе все известные: «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества (Опыт оправдания человека)» (1916), сборник статей «Судьба России» (1918) и др.

В 1918-1922 годах Николай Александрович Бердяев – профессор Московского университета; один из основателей и активных участников Вольной Академии духовной культуры. Оказавшись в вынужденной эмиграции в Германии, а затем и во Франции, Бердяев много и плодотворно трудился. Он стал самым известным русским философом в мире, его книги переведены на все основные языки Европы. Бердяев прошел сложную эволюцию взглядов – от увлечения марксизмом до религиозной философии. Он является автором 43 книг и около 500 статей [6, с. 40].

Книги и статьи Бердяева посвящены важнейшим антропологическим темам. В их числе – «Человек и Бог», «Человек и космос», «Человек и общество», «Человек и власть», «Человеческая личность и сверхчеловеческие ценности» и др. В них раскрывались главные аспекты его антропологической, персоналистической, экзистенциальной философии. В этом ряду совсем не случайно оказалась и тема «человек и машина». Первая попытка ее освещения была предпринята Бердяевым в 1915 г. в статье «Дух и машина» (газета «Биржевые ведомости»). Эта статья была направлена против проявившихся в начале первой мировой войны «неославянофильских иллюзий о превосходстве силы русского национального духа над бездушной мощью германского техницизма» [там же, с. 146]. Бердяев призывает быть реалистами, «отвлечься от славянофильского и народнического утопизма и мужественно перейти к сложному развитию и к машине» [там же].

В начале 20-х годов Бердяев возвращается к теме «человек и машина». В книге «Смысл истории» (1923) он пишет главу «Вхождение машины», в которой тема техники рассматривается в историософском аспекте. Бердяев рассуждает о поворотном значении техники в судьбе человека. Он пророчески заявил о том, что с техникой связана «величайшая революция, какую только знала история – кризис рода человеческого», суть же кризиса в том, что машина «не только по видимости покоряет человеку природные стихии, но она покоряет и самого человека, она не только в чем-то освобождает, но и по-новому поработывает его» [там же, с. 146].

Бердяев приходит к следующему заключению: с появлением машины наступает конец традиционного гуманизма и его ценностей. Машина страшная сила, которая разрушает природу человека «Она подвергает человека процессу расчленения, разделения, в силу которого человек как бы перестает быть природным существом, каким он был ранее» [там же]. Машина поражает прежде всего эмоциональную жизнь, разлагает целостные человеческие чувства.

В 1933 году в русском зарубежном журнале «Путь» Бердяев публикует основную статью по этой проблеме, которая так и называется «Человек и машина». Этой статье сам он придавал большое значение и впоследствии шесть раз публиковал ее в сборниках своих

трудов в зарубежных изданиях на иностранных языках [7, с. 249-250]. В этой работе, как отметил современный философ, Бердяев в сжатом виде, по чрезвычайно глубоко и содержательно намечает основные проблемы философии техники буквально в преддверии научно-технической революции [там же, с. 258]. Нелишне напомнить, что сам Бердяев во многом предвидел научно-техническую революцию, ее формы и последствия.

В начале своей статьи «Человек и машина» Н.А. Бердяев заявил, «что вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры» [8, с. 147]. Начало XX века – это время бурного развития науки и техники, что вызвало глубокие изменения во всех сферах общественной жизни. В духовной сфере, по выражению Бердяева, произошло ослабление «не только старой религиозной веры, но и гуманистической веры XIX века» [там же, с. 147]. Наступило время не только дехристианизации, но дегуманизации общественной жизни. В этих условиях единственно сильной верой современного цивилизованного человека остается вера в технику, в ее мощь и бесконечное развитие. Тема эта тревожная для христианского сознания до конца еще не осмыслена. Отмечая это, Бердяев анализирует два подхода в отношении к технике, которые обнаружились в христианской среде. Большинство христиан считает технику религиозно нейтральной. Техника есть дело инженеров. Техника умножает блага жизни, которыми пользуются все. Но она не затрагивает никакой духовной проблемы. Другой подход в отношении к технике демонстрирует христианское меньшинство, оно переживает технику апокалиптически, испытывает страх перед ее возрастающей мощью над человеческой жизнью и готово легко объяснить ее торжеством духа антихриста. Бердяев заключает: Это есть ленивое решение вопроса. В основании его лежит эффект страха [там же, с. 148]. Впрочем, и первое решение вопроса в смысле нейтральности техники он также характеризует как ленивое, «оно просто не видит проблемы» [там же].

Сам Н.А. Бердяев увидел в этой теме глубоко жизненную, философскую проблему, которой, как уже не раз отмечалось, он постоянно занимался, начиная с 1915 года, когда на эту тему была опубликованная его первая статья «Дух и машина» и до самой смерти в 1948 году. Бердяев особое внимание уделял становлению философии техники, целью которой, по его мнению, должно стать осмысление техники как проблемы духовной, проясняющей судьбу человека в обществе и космосе.

Формирование философии техники Бердяев начинает с прояснения (определения) самого понятия «техника», содержание которого он значительно расширяет по сравнению с традиционным. Техника для Бердяева не только машина. Он пишет: «Технику можно понимать и в более широком и в более узком смысле. *Techne* значит и индустрия, и искусство. *Techna* значит фабриковать, создавать с искусством. Мы говорим не только о технике экономической, промышленной, военной, технике, связанной с передвижением и комфортом жизни, но и о технике мышления, стихосложения, живописи, танца, права, даже о технике духовной жизни, мистического пути. Так, например, йога есть своеобразная духовная техника. Техника повсюду учит достигать наибольшего результата при наименьшей трате сил» [там же, с. 148].

В первой половине XX века философию техники в России наряду с Николаем Александровичем Бердяевым (1874-1948) развивал Петр Климентьевич Энгельмейер (1855 - 1939), инженер – механик, преподаватель Императорского Московского технического университета. Энгельмейер в определенном смысле был предшественником Бердяева. Его имя и труды пережили долгие годы забвения и возрождения. Но и теперь, когда проблемы современной философии техники значительно расширились и обострились, творчество Энгельмейера, пришедшего в философию техники от самой техники, вызывает неподдельный интерес. Его книги – «Теория творчества» (1910), «Философия техники» (в 4-х выпусках) (1912-1913 гг.), доклад на IV Международном философском конгрессе в Болонье (1911) имели большой резонанс в Европе. Энгельмейер, размышляя о роли техники в человеческой жизни, дал свое достаточно широкое определение понятия «техника».

В философском смысле под техникой мы понимаем любое целенаправленное воздействие на материю, это любое умение, ремесла, искусства вообще. По его мнению, к тех-

нике, помимо орудий труда, сооружений, средств связи и т.д. следует отнести также язык, письменность, медицину, педагогику, мастерство администратора, актера, музыканта и др. [там же, с. 634]. Такое разнообразие элементов, включенное в понятие «техника», наверняка импонировало бы Бердяеву и, конечно, представителям современной философии техники.

Необходимость разработки философии техники Энгельмейер объясняет, прежде всего, тем, что современная цивилизация стала «насквозь технической».

Поэтому философия, если она не хочет потерять связь с жизнью, должна приняться за изучение технического фактора культуры [там же, с. 634]. Рассматривая технику как явление культуры, Энгельмейер пытался направить траекторию ее будущего развития, облагородить технику.

Понятие техники оставалось в фокусе внимания и на последующих этапах развития философии техники. Общественное признание философия техники получила в 60-70 гг. XX столетия. Наиболее острой проблемой философии техники в этот период является определение понятий техники и искусственного. Увеличивающееся многообразие форм рациональной человеческой деятельности порождает различные виды техники и соответствующее разнообразие методологических подходов в их осмыслении. В результате определений «техники» появляется великое множество, но в этом многообразии сохраняются и получают развитие основные (традиционные) типы, ранее описанные Бердяевым. В настоящее время в краткой обобщенной форме их характеризуют следующим образом: (сошлемся на публикацию кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ). В узком смысле техника – совокупность конкретных материальных артефактов, созданных в результате целенаправленной рациональной деятельности человека. В широком – совокупность рационально выработанных методов, обладающих безусловной эффективностью (для данной степени развития) в любой области человеческой деятельности (Ж. Эллюль). В этом случае сама рациональная деятельность является «техникой» (техника живописи, техника чтения, техника игры на пианино и т.п.).

Понятие «искусственное», альтернативное природному, естественному, шире понятия «техника», так как она включает весь класс объектов, созданных человеком, артефактов, в том числе и таких, которые возникли в результате спонтанной, непродуманной, бессознательной деятельности. Обобщая, можно сказать, что мир искусственного создается деятельностью человека, причем, сама деятельность является его частью [9, с. 414].

Осмысливая такой судьбоносный вопрос как соотношение техники и культуры, Н.А. Бердяев раскрывает диалектику процесса их связи и характеризует ее как единство противоположностей. Бердяев фиксирует: «Мы стоим перед основным парадоксом: Без техники невозможна культура, с нею связано возникновение культуры и окончательная победа техники, вступление мира в техническую эпоху влечет культуру к гибели. В культуре всегда есть два элемента – элемент технический и элемент природно-органический. И окончательная победа элемента технического над элементом природно-органическим означает перерождение культуры во что-то иное, на культуру уже не похожее [8, с. 149]. Комментируя «возврат к природе» как вечный мотив истории культуры, Бердяев отмечает, что «в нем чувствуется страх гибели культуры от власти техники, гибели целостной человеческой природы» [там же]. Природа в понимании Бердяева – это предпочитаемое и желаемое благо для человека и человеческой жизни.

Не случайно так подробно Бердяев анализирует основные стадии развития истории человечества и соответствующие им типы жизни. Это природно-органическая стадия, культурная и технико-машинная. Этому соответствует, в понимании Бердяева, различное отношение духа к природе – погруженность духа в природу, выделение духа из природы и образование особой сферы духовности, активное овладение духом природы, господство над ней [там же]. Если произойдет полная победа техники, то исчезнет природно-органический пласт культуры. А это уже не что иное как исчезновение культуры или, во всяком случае, ее перерождение. Бердяев напоминает, что в культуру обязательно входит природное начало: цветы, тенистые парки, реки и озера, породистые собаки, лошади, птицы. Исчезновение

всего этого, переход от органической жизни к организованной жизни, от растительности к конструктивности и будет означать гибель культуры, господство чисто рационального, бездушного мира, где человек может превратиться в автомат. Но, как убеждает Бердяев, сам дух человека, создающий технику, не может быть технизирован и рационализирован полностью, в нем всегда остается иррациональное начало. Человек пытается избавиться от новой технико-машинной зависимости. Ведь его психофизический организм сложился в старом природном мире, к которому он и приспособлен. Это было растительно-животное приспособление. Человек жил прислоненным к земле. Человек не приспособлен к новой, искусственно созданной, технической среде обитания. Еще неизвестно, в состоянии ли будет человек дышать в новой электрической и радиоактивной атмосфере. «Мы не знаем, - пишет Бердяев, - насколько разрушительна для человека та атмосфера, которая порождена его собственными открытиями и изобретениями» [там же, с. 151].

Не исключено, что эта атмосфера губительна и опасна. Бердяев обращает внимание на то, что изобретательность человека в орудиях разрушения намного превышает изобретательность в технике медицинской, целительной. Легче оказалось изобрести удушливые газы, которыми можно истребить миллионы людей, чем открыть средства и способы лечения опасных болезней. «Организм человека оказывается беззащитным перед собственными изобретениями человека [там же, с. 151 - 152].

Заключая, подчеркнем главное. Задолго до атомной бомбардировки Хиросимы и Чернобыльской катастрофы, Бердяев удивительно прозорливо прогнозирует необходимость защиты человека от истребления природной среды, тотального наступления техники. Его характеристика сущности культуры и в наше время сохраняет свое познавательное и эвристическое значение.

Машина имеет огромное не только социологическое, но и космологическое значение, полагает Бердяев, и ставит с необычайной остротой проблему судьбы человека в обществе и космосе. Однако в философии техники еще не осмыслена машина и техника как проблема духовная, как судьба человека. Христианство, с которым связана судьба человека, оказавшись перед новым миром, еще не осознало своего нового положения.

В мире, который все больше дехристианизируется и дегуманизируется, и человек отлучается от Вечности, ставится вопрос: быть или не быть человеку. Вся острота вопроса определяется чудовищной властью техники [там же, с. 160]. Замечательная попытка разрешить этот вопрос, по словам Бердяева, принадлежит гениальному христианскому мыслителю Н. Федорову, автору «Философии общего дела». Бердяев отмечал, что для Федорова, как и для основоположников марксистской философии, философия не должна познавать мир, а должна создавать и осуществлять проекты его переустройства. Человек, по мнению Федорова, призван активно овладевать стихийными силами природы и «регулировать, упорядочивать не только социальную, но и космическую жизнь» [там же, с. 160]. В контексте своей «философии общего дела» Федоров развивал две идеи – братское единение людей и борьба со смертью. Главное зло, совершенное слепой природой по отношению к человеку, он видел в смерти, и потому одна из важнейших задач состояла в том, чтобы победить смерть. При этом речь идет не только о достижении бессмертия ныне живущих, но и о «воскрешении отцов», т.е. всех умерших людей. Бердяев отмечает, что Федоров, как православный христианин, находит и христианское обоснование своего «общего дела». Но при этом важно и то, что Федоров верил в науку и технику, по словам Бердяева – «необычайно верил». Федоров верил в чудеса техники и призывал к их свершению [там же].

Для реализации своего проекта по воскрешению умерших Федоров пытается опираться на возможности науки. Он размышлял о необходимости каким-то образом использовать все атомы и молекулы, из которых состояли их тела. С другой стороны, воскрешение мыслилось им как восстановление предков по той наследственной информации, которую человек передал своим потомкам: сын воскресит отца как бы «из себя», отец – своего отца и т.д., вплоть до первочеловека. Федоров и сам понимал всю невероятность и практическую невозможность решения такой задачи. Но невероятное не значит бесполезное. Тем более

что человек – это не только плоть, но и дух. А здесь воскрешение, возрождение всегда необходимо и возможно.

Федоров отстаивал идею активности человека. Апокалипсическое завершение исторических судеб человека и мира, по его мнению, «детерминистически и фаталистически» [там же]. Апокалипсическое завершение истории Федоров считает лишь одним из вариантов, причем худшим, «его может избежать просветленное человечество». Федоров утверждает: «Человек свободен и призван к активности, конец зависит от него. Апокалипсические пророчества условны» [там же].

Бердяев усматривает заслугу Федорова и в том, что он продолжает анализировать и утверждать идею активности человека в области техники как определяющего фактора становления капиталистического общества. «Бесспорно, если техника создает капитализм, то она же может способствовать преодолению капитализма в направлении к созданию много более справедливого социального строя. Она может стать могущественным орудием в решении социального вопроса» [там же].

Человеку отводится приоритетная роль в решении этого вопроса: «...Человек должен организовать общество и мир. и организация эта будет зависеть от того, каков человек, какого он духа. И человек борется здесь не только как индивидуальное существо, но и как социальное существо, имеющее социальное призвание» [там же].

Размышляя далее, Бердяев фиксирует не менее важное, предостерегает от опасности односторонней оценки техники: «Очень часто в нашу эпоху люди, раненые машинизмом, говорят, что машина калечит человека, что машина во всем виновата... Ответственна совсем не машина, которая есть создание самого человека... Не машина виновата, а человек виновен в страшной власти машинизма. Не машина обездушила. А человек обездушился. Проблема должна быть перенесена извне вовнутрь... Машина должна быть орудием в руках человека в его победе над властью стихийной природы, но для этого человек должен быть духовным существом» [там же].

Все рассмотренные нами вопросы, как считает Бердяев, приводят в итоге к религиозной и философской проблеме человека.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея: [Сборник] / Николай Бердяев: [Сост., предисл., прим. П. Рябова]. – М. : Эксмо, 2009. – 704с.
2. Рябов П.. Николай Бердяев – бунтарь и вольнодумец / П. Рябов // Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея: [Сборник]. Николай Бердяев [Сост., предисл., прим. П. Рябова]. – М. : Эксмо, 2009. – С. 9 - 32.
3. Мусский И.А. Сто великих мыслителей / И.А. Мусский. – М. : Вече, 2000. – 688 с.
4. Зеньковский В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. – Л. : ЭГО, 1999 – Т.1. часть 2. – 202 с.
5. Рубинштейн М.М. Жизнепонимание – центральная задача философии / М.М. Рубинштейн // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / Сост. П.В. Алексеев. – М. : Политиздат, 1990 – 528 с.
6. Барабанов Е.В. Предисловие к публикации (статьи Н.А. Бердяева «Человек и машина» / Е.В. Барабанов // Вопросы философии. – 1989. - № 2. – С. 143-147.
7. Новиков А.И. История русской философии X – XX веков / А.И. Новиков. – СПб. : Издательство «Лань», 1998. – 320с.
8. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) / Н.А. Бердяев // Вопросы философии. – 1989. - № 2. – С. 147-162.
9. Философия техники // Краткий философский словарь / А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев [и др.], под ред. А.П. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби; Проспект, 2010. – 496 с.

10. Баландин Р.К. Кто есть кто в мире науки и техники / Р.К. Баландин. – М.: Вече, 2012. – 384 с.
11. Гриненко Г.В. История философии: учебник для бакалавров / Г.В. Гриненко. – М.: Издательство Юрайт, 2012. – 687 с.

Л.О. Алексеева (Донецкий национальный технический университет). *Феномен техники в интерпретации М.О. Бердяева.*

Стаття присвячена презентації феномену техніки в російській філософії в особі Н.А. Бердяєва. Особливості погляду на техніку, взятої у широкому значенні не тільки як машина, а й уміння, виражаються в акцентуванні у творчості Бердяєва персоналістических-антропологічного її аспекту як виражає судьбоносний виклик людині століття епохи модерну. Основна небезпека тут корениться, на думку Бердяєва, в тенденціях дехристиянізації і дегуманізації індивіда. Разом з тим, ця руйнівна спрямованість науково-технічного прогресу не носить фатальний характер і може бути подолана осмисленою і морально орієнтованою активністю людини.

Ключові слова: філософія техніки Н.А. Бердяєва, дехристиянізація, дегуманізація, творча активність людини.

L.A. Alekseeva (Donetsk National Technical University). *The Phenomenon of Technique in interpretation of N.A. Berdyaev.*

The article is devoted to presentation of the phenomenon of technique in Russian philosophy in the person of N.A. Berdyaev. To the feature of look to the technique, taken in a wide value not only as a machine but also ability, expressed in accenting in work of N.A. Berdyaev personality and antropological of her aspect as expressing the fating call of man epoch of modern. A basic danger is here founded, in opinion of Nicolai Berdyaev, in tendentions dechristianization and dehumanization of individual. Hence the task - understand the machinery and equipment as a problem of the moral order, as a problem of human destiny At the same time, this destructive orientation of scientific and technical progress does not carry fatal character and can be overcome by intelligent and morally oriented activity of man. The idea of human activity as the subject of modern history depends on the reorientation (subordination) technology morally normative regulation.

Key words: philosophy of technique of N.A. Berdyaev, dechristianization, dehumanization, creative activity.

УДК 1(091) Бердяев: 140

Г.Е. АЛЯЕВ (д-р филос. наук, проф.)

Полтавский национальный технический университет

имени Юрия Кондратюка

gealyaev@mail.ru

**РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ CРЕДО Н. БЕРДЯЕВА
(«ОСНОВЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ»:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ)**

В статье представляется малоизвестный текст Николая Бердяева «Основы религиозной философии», впервые опубликованный в 2007 г., – уточняется время и обстоятельства его написания, даётся характеристика его стиля и основных идейных конструкций в связи с общей эволюцией мирозерцания русского философа.

Ключевые слова: философское источниковедение, религиозная философия, персонализм, свобода, творчество, Н. Бердяев.